

84(2р=Балк)

М 55

755893

КЯЗИМ МЕЧИЕВ

ОГОНЬ ОЧАГА

КЯЗИМ МЕЧИЕВ

ОГОНЬ ОЧАГА

СТИХИ

Перевод с балкарского

Семена Липкина

75141

755893

Издательство
 «Художественная литература»
 Москва 1970

Набарляно-Балкарская Госуда

С(Кав)
М 55

Вступительная статья
Кайсына Кулиева

Художник
А. Достян

7-4-3

---

95 67

О КЯЗИМЕ МЕЧИЕВЕ

Каждый народ, независимо от его численности, прошел длинный путь. У каждого большая жизнь, большая судьба, большая память. Каждый терпелив и мудр.

Не составляет исключения и немногочисленный балкарский народ, живущий в ущельях и предгорьях Центрального Кавказа, между Эльбрусом и Казбеком, одна из коренных национальностей Кабардино-Балкарской АССР. Его предков называли половцами, или кумаками, язык их закреплён в книге «Кодекс-куманикус», он чрезвычайно близок к нынешнему живому языку балкарцев.

Как-то М. Горький сказал, что и малочисленные народы дают миру людей выдающегося таланта. Поэзия Мечиева — ещё одно подтверждение благородной мысли великого русского писателя.

Никогда не забуду мою поездку в горы летом 1940 года. С двумя московскими товарищами мы приехали в аул Безенги. Выше машина подняться не могла. Над аулом висели снежные горы так близко, что мне подумалось: если подняться на вершину знаменитой Дых-Тау, надеть бурку и, раскинув ее полы, броситься вниз, то упадешь прямо в этот аул. Нам нужно было идти в Шики. Там жил человек, который вошел в мою жизнь с самого моего детства. Я обожал его. Аул Шики принадлежал к склону зеленой горы. Мимо него неслась горная белопенная речка. Некоторые сакли, сложенные из камня, напоминали старинные горские башни. Детишки играли на плоских крышах, как при Лермонтове. Когда наш проводник, мальчик лет десяти, привел нас к маленькому дворику, а сам вошел в дом, оттуда вышел старик, хромящийся на левую ногу и опирающийся на большой посох. Это и был Кязим Мечиев, хромой от рождения, лучший поэт и мыслитель балкарских гор. Мои спутники, видевшие его впервые, сразу заметили, что этот человек с лицом крестьянина и мудреца всем своим обликом естественно сливается с обликом родных мест. Они очень скоро поняли главное в нем: благородство, мудрость и обаяние. Такой человек, конечно, мог сказать:

Храбрость, друзья, выбираем открыто,
Ибо людьми называться хотим! ¹

Чтобы лучше понять поэта, надо побывать на его родине. Так говорят. И, должно быть, это верно. Но к этому, мне думается, надо добавить: чтобы лучше понять страну, необходимо читать ее поэтов. Конечно же, куда глубже понимаешь, чувствуешь и постигаешь поэзию Кязима Мечиева, побывав на его родине, пройдя по тем тропинкам, где он проходил на утренней заре или в вечерних сумерках, смотрел на белые горы и зеленые высоты, на крестьянские огороды, притихшую траву, на медлительных волов, идущих под ярмом. Даже молчащие камни здесь говорят о многом. Все здесь мне кажется книгой, которую раскрыл Кязим в последний свой вечер. Она так и осталась открытой, и я ее читаю, радуясь и плача. Да, родина всякого крупного поэта — всегда раскрытая книга для живых, а его поэзия — обнаженное сердце родной земли, в котором благоухают все розы и которое израстили все клинки на свете. И все же оно остается вечно живым и праздничным, несмотря на следы горя и бед. Так обстоит дело с любимым большим поэтом. Такова и судьба поэзии Мечиева. Самой большой его любовью была эта земля, ее пахари, пастух и каменотесы и ашуги, ее горы, долины, камень и дерево. Потому-то еще в начале века он писал:

Багдад посетил я, увидел Стамбул,
Я в Мекке от тягот пути отдохнул,
Но мне показалось, что вновь я родился,
Когда возвратился в мой бедный аул.

Кто хочет коснуться живого сердца Балкарии, тот должен раскрыть кязимовскую книгу. В поэзии Мечиева, как и в народных песнях и поэмах, прежде всего мы видим честность, искренность и правдивость. Как известно, без этих свойств вообще не может быть истинного творчества. А Кязим был истинным поэтом. В его творчестве до сих пор наиболее полно выражен характер балкарского народа. В нем бок о бок живут гул свадебной пляски и рыдание женщины на похоронах. Оно живописно и лаконично как пословицы. В нем глубоки, подлинны радость и боль. В нем выражены мудрость, трудолюбие, совесть и стойкость народа.

Кязим Мечиев называл себя послем — ходатаем народа. И это было так. Поэтому все беды родины не миновали его сердца. Против произвола и насилия он протестовал перед людьми и богом:

Аллах, аллах, взгляни на горы! В самом деле:
Их головы от бед и горя поседели!

---

¹ Стихи Кязима Мечиева здесь и дальше цитируются в переводе С. Липкина.

И еще:

Чтоб мой народ свободным стал навеки,
Помочь прошу я бога и людей.

Родина Кязима похожа на его поэзию. Видимо, иначе и не может быть, если поэт подлинный. Когда я приехал в аул Шики, моим глазам открылся мир резких контрастов: белизна снеговых хребтов, зелень долины, шум рек и молчание камня, узенькие, кривые улочки аула и широкие склоны, старое ослиное седло из дерева, печальный от усталости ослик с опущенными ушами и грызущий удила горячий конь под добротным седлом, задумчивые тропинки за аулом, а над ними тихие сумерки и рассветы, положке на кизилловый отсвет.

Такие же контрасты мы видим и в поэзии Кязима. Он, как истинный художник, сделал предметом изображения простые вещи наряду с трагически-высокими явлениями жизни. Он пишет о воробье, который снежным днем сел у него во дворе, и тут же — суровые размышления о старости и смерти. Кязим создает раздумчивые строки о своем старом домике, у очага которого долгие годы слагал стихи, и поднимается до высот трагедии в поэме «Бузкинит». Поэт в незатейливых стихах обращается к своей корове, собаке, кувшину, (а в поэме «Раненый тур» с большой и горькой силой выражает беды и боль старой, дореволюционной Вайкарии. В его поэзии соседствуют желтеющие чинары родных ущелий и песчаные аравийские стены, серый камень и фазан с пестрой окраской цвета очагового огня. В ней одинаково сильны живопись и эмоция, мысль и предметный образ. В подтверждение сказанного, назовем хотя бы прекрасное стихотворение о молодости, не похожее ни на какие другие стихи в этой вечной теме мировой лирики. Вот его заключительная строфа, совершенно неожиданная на мой взгляд:

Ты взяла красу и стать фазанью,
Молодость, достойная хвалы,—
Или ты была той самой ланью.
Что погибла от моей стрелы?

Подобная гармония мысли и образа встречается только у крупных поэтов. Кязим Мечнев имел чуткое сердце и меткий глаз.

Великий поэт жил на высокой и прекрасной земле. Он и сам похож на Дых-Тау — так он высится в родной словесности. Для нас он — гора, которая еще долго будет сносить землякам. Он — гора и зеленое дерево одновременно. Мечнев был слит с родной землей, лучше всех понимал ее язык и душу, язык камня и дерева, дождя и снегопада, колосьев и звезд, душу пастухов и каме-

потесов. Он вообрал в себя и в свои стихи их мудрость и человечность, жил одной жизнью с крестьянами, имел один с ними облик, носил ту же одежду, ел то же, что и они, оставался выразителем их мыслей и чаяний. Он мог бы сказать о себе словами благородного испанского поэта Антонио Мачадо: «Я ученик народных знаний». Выше всего горские крестьяне ставили справедливость и стремление к ней. Светом той же народной философии освещены и произведения Мечиева. Истина — вот его божество. Я бы не удивился, если бы принадлежали Кязиму слова того же Мачадо: «Любовь к истине благородней всех иных». Кстати, Мечиев сказал почти то же самое:

Только правде словом я служу,
Только правду чту, как госпожу!

В самые тягостные дни Кязим не терял веры в силу истины и добра. Лучшее свидетельство тому его стихи, которые остались как бы дневником его сердца. Утверждая, что жизнь тяжела, часто несправедлива и трагична, в то же время он никогда не отрицал самое жизнь, смысл бытия:

Мир — тяжкая тропа, где скорбь и горе,—
По той тропе чьи поги не прошли?
Мир — это взбаламученное море,—
И чьи в нем не тонули корабли?

Сказав такие горькие слова, дальше поэт утверждает, что человек должен жить и трудиться, несмотря ни на что, преодолевать все трудности, всю боль. Только тогда он достоин жизни. Кязим говорит, что мир, в котором мы живем,— наш отчий дом, наше благо и любовь.

✧ Каким бы, мир, ты ни был горьким морем,—
Тебя мы любим, ты — наш отчий дом.
Пускай тропа в снегу,— мы с бурей спорим,
Сквозь вихрь и снег мы все-таки идем!

Нам дорого это мужественное начало в горькой во многом поэзии Мечиева. Он оставался жизнелюбом, несмотря на все испытания знал, что за пределами жизни для человека нет ничего,— только тьма и вечная немота. Кязим писал горькие стихи потому, что жизнь была такой и поэт оставался верным действительности. Больше всего любя радость, он часто писал с болью, как говорил сам, потому что у простых людей на каждом шагу отнимали радость. А ему хотелось, чтобы ее было побольше. Будучи трагическим поэтом, он не принадлежал к числу тех, кто славит смерть и тьму. Этого просто не могло быть: ведь сам

Мечнев был труженником и пародным философом, всем существом связанным с землей, как пахарь, и славил он все живое. Чтобы понять это, достаточно прочесть хотя бы «Разговор со старостью» или строфы о любви и гибели прекрасного юноши Бузжигита из одноименной поэмы. Кязим любил жизнь и потому ненавидел тех, кто ее коверкал, кто чинил насилие над людьми, неся им нищету, рабство и несчастье. Его злейшими врагами всегда оставались жестокость и произвол. Он поклялся никогда не смириться перед ними и остался верным своей клятве при всех испытаниях.

Свое метнул я слово, как стрелу,
И та стрела разбилась о скалу.
Но пред насильем не склонюсь покорно,
Я буду проклинать его упорно!

Поэт знал, что насильники, отнимая все, не в силах были отнять мысль и песню, мечту и надежду. Он оставил нам об этом замечательные строки, написанные в 1907 году:

У нас отнимают и поле,
И хлеба голодный запас,
Но сказки, но песни о воле
Никто не отнимет у нас!

Опасны они супостатам,
В них сила народа жива.
Нет, мы не уступим проклятым
Рожденные в сердце слова!

Коль не оставалось другого оружия, поэт прибегал к слову правды и гнева. Его он не уступал врагу. А это оружие было не таким уж безобидным. В горе и несчастье человеку помогают выстоять вера в торжество справедливости и надежда. Мечнев принадлежал к тем, кто верил в их силу.

Но в правду веровать, как в хлеб насущный, будем,
Надежду посохом избрав на радость людям.

Поэт старался вооружить мужеством и надеждой своих земляков — чабанов и дровосеков, тех, кто нуждался в поддержке. Его девизом стало: жить, оставаясь человеком, учась у всего живого! Его слово внушало достоинство и стойкость. Вот одно из его знаменитых на родине четверостиший:

Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад,
Но горы, как всегда, без трепета стоят.
В годину бедствия, тревоги и невзгод
Учись у наших гор, несчастный мой народ.

В мою последнюю довоенную поездку в Шики я и мои спутники жили у Кязима несколько дней. Мы видели старого поэта в его сакле, в кругу семьи, в кузнице, среди крестьян, видели его, занятого своими повседневными делами и заботами. Я беседовал с ним подолгу. Чего еще лучшего я мог желать! И сейчас я вижу его идущим, опираясь на посох, по тропинке, которую обступают зеленые травы, сидящим на камне перед вечерними сумерками, беседующим с земляками на площади аула, неторопливо раскрывающим томик Хафиза в маленькой комнате с камешными стенами, где находились его книги и где в одиночестве он писал стихи. Я благодарен случаю за то, что он тогда привел меня в Шики!

Все в Кязиме вызывало уважение, все приковывало к нему пристальное внимание моих спутников-москвичей. Но совершенно неожиданным для них оказался такой случай. В сельском клубе устроили литературный вечер. Кязим сидел с нами за столиком на маленькой эстраде. Он читал первым, читал сидя свои старые стихи, в которых тревоги и беды почным снегом падают в дымоходы саклей горских крестьян. Кязим читал как-то особенно. Другой такой манеры чтения стихов я не встречал. Еще до этого приезда я неоднократно пытался имитировать манеру чтения Учителя при нем. Он смеялся. Видимо, у меня ничего не получалось. На вечере в Шики, слушая Кязима, все плакали — и старые неграмотные крестьяне, и школьники. Затем стали выходить на эстраду один за другим старики и старухи. Они читали наизусть стихи своего земляка. Это не могло не удивить любого. Такое встречается очень и очень редко. Подобная судьба осчастливила бы любого поэта. Никакие статьи не могли бы так красноречиво доказать истинную народность поэзии Мечнева. Это говорило о том, что его стихи жили, подобно пословицам, в душе народа, именно народа, а не определенного круга читающих людей.

К большой радости той моей поездки в горы теперь примешалась и большая боль, которая никогда не пройдет. Нет, неправда, что забывается все. Скорее всего — ничего не забывается. В те дни мы, праздничные и счастливые встречей с горами и Кязимом, не знали, что так близка война. Я не ведал, что больше никогда не встречу Учителя, что пожимаю его сухую руку в последний раз, что больше не удастся мне посмотреть в его глаза, в которых горел огонь поэзии, сияли горы и горели раны нашей земли. В его глазах клубились столетия, их муки, радость и боль. Его глаза смотрели на нас как бы сквозь века, они были глазами народа — зоркие, чистые, полные мудрости и страдания глаза гуманиста. А улыбка Кязима! Даже старость не сумела заставить ее потускнеть. Другой такой улыбки я не встречал больше в наших горах. Эта улыбка

не значит повторять. Кязим писал о том, что его окружало, что навязывало необходимость выразить. В его поэзии все точно и конкретно. Но и конкретное — горские темы, такие, например, как поэма «Раненый тур», — он поднимал до крупных обобщений. Такова сила настоящего искусства. Кстати, за эту поэму Мечиев мог легко заплатить даже головой. Но он сам говорит:

«Посла не казнят», — есть присловье.
Народ меня сделал послом,
Чтоб нищее наше сословье
Своим защищал я стихом.

И дальше:

Народ меня в горе не бросит:
Я болью народною стал.

Конечно, далеко не каждый стихотворец имеет право и счастье сказать о себе так.

Поэма «Вузикигит» занимает особое место в творчестве балкарского мастера. Тема ее характерна для Востока. Но у Кязима она стала горской и в то же время общечеловеческой благодаря глубине и благородству высказанных в ней мыслей, их масштабности. В ней горят раны Балкарии и всего Востока, я бы сказал даже — всего человечества, — так значительно сказано в ней о любви и труде человека, о смысле бытия, о свободе, добре и зле. Мудрый Зодчий, отец героя поэмы, считает своим счастьем то, что дома, построенные им, стали красотой родной земли и радостью для людей. Он счастлив сознанием того, что в мире, полном жестокости, не заставил плакать ни одного ребенка, никого не лишил хлеба, в этом мире, где пролито столько крови, к рукам мастера приставала известка, а не кровь. Сказанное Зодчим — это выражение сокровенных мыслей самого поэта, лучших сторон его души. Гуманизм Мечиева, может быть, сильнее всего выражец в этом его произведении. Меня каждый раз удивляет монолог Зодчего, и сейчас я не могу отделаться от желания процитировать хотя бы несколько строк из него. Вот что сказано в нем о мастерах и мастерстве:

Пойми: оно — безмерно,
Мудрей и старше нас.
Без мастерства б, наверно,
Весь род людской угас.

Рать мастеров несметна,
В них — свет и мощь добра.
Да, мастерство бессмертно,
Хоть смертны мастера.

Твердым убеждением, мудрой страстью и силой дышат эти строки. Какая в них классическая ясность! Осмелюсь утверждать, что этот монолог, как и другие кязимовские шедевры, стоит в одном ряду с лучшими созданиями мировой поэзии. Вопрос же о широкой известности — дело другое. Всеобщую известность приносят поэтам только мировые языки. В этом смысле в невыгодном, если не трагическом, положении находятся писатели, работающие на мало распространенных языках. Но все равно рано или поздно все замечательное выходит на простор и находит дорогу к людям. Мечнев, конечно, понимал это. Он говорил, что мудрые люди работают, не думая о блеске славы. Вот что завещает Зодчий своему сыну:

Прославлен тот, кто строит,
Но помни, дорогой,
Что славы блеск не стоит
Одной слезы людской.

Ребенка защищая,
Мы счастье утвердим.
Что слава мировая
Пред этим счастьем? — Дым!

Увы, богатство тленно,
И слава, и почет.
Лишь доброта бесценна,
Лишь правда не умрет.

В жестоком мире этом
Для правды, сын, живи.
Твой труд да станет светом,
Источником любви.

Так жил и сам Кязим. Высшим его желанием было, чтобы его труд стал светом для тех, кто в нем нуждался. Не зря же он создавал не только поэтические произведения, западавшие в душу народа, как пословицы, но также ковал железо для крестьян, вырубая их ежедневно. Образ Зодчего является как бы образом самого Мечнева. Урок сыну, отдельные строфы из которого я приво-дил, — это, мне думается, не только завещание персонажа поэмы, но и самого Кязима потомкам. Эти могучие слова пропизаны светом будущего, светом непобедимой жизни.

У нас в горах обычно слагали песни о трагически погибших. К Кязиму часто приезжали из ближних и дальних аулов с просьбой сложить песню о погибшем родиче. И поэт слагал стихи, которые становились песнями. Но они, к сожалению, до сих пор не собраны. Многие рукописи ранее не издававшихся произведений Мечнева сгорели во время оккупации Нальчика гитлеровцами.

У Кязима Мечиева были философские и религиозные заблуждения. Но все это ничто перед могучей силой лучших его художественных созданий, порою поднимающихся до высот мировых художественных достижений. У Кязима не было жадного желания славы, он не страдал тщеславием. Но больших поэтов должны знать многие не потому, что те обуреваемы желанием известности, а потому, что поэзия каждого подлинного поэта является целым миром, полным света и красок. Этот мир обогащает всякого, кто с ним соприкасается. А болезненное тщеславие — удел недаровитых людей. Мне всегда очень хотелось, чтобы как можно больше людей знало творчество Мечиева. А потому выход этой книги — большая для меня радость.

Кязим Мечиев поднял нашу национальную художественную мысль на большую высоту, стал для нас как бы образцом поэта. Если есть что-нибудь значительное в нынешней балкарской поэзии, то оно выросло из кязимовских корней. Завещая потомкам свое замечательное наследие, он сказал:

Пришла ко мне старость, как тысяча зим...
Пусть с вами живет мое доброе слово!

Он, конечно, знал цену своему слову. И оно, не потускнев, прошло с нами через все испытания, выпадавшие на нашу долю. Мы учились у него. Будут учиться и те, которые придут жить после нас. Истинный поэт остается современником многих поколений.

Свободолюбивый и прозорливый Мечиев приветствовал Октябрьскую революцию. Но, ради верности истине, надо сказать, что во времена гражданской войны были моменты, когда он колебался и мучался, не принимая кровопролития, однако потом понял его неизбежность, отправил сражаться за Советскую власть старшего сына Мухаммада, который командовал отрядом и погиб в Дагестане. О гибели сына отец написал горестно-мужественные стихи. Они стали народной песней. Кязим также писал об известном балкарском революционере Солтан-Хамиде — сподвижнике С. М. Кирова. Эти стихи также стали любимой песней народа. Наконец Мечиев одним из первых в горах Кавказа создал проникновенные стихи о Ленине. И это вполне естественно. Ведь Кязим всем своим творчеством служил народу. Он всегда утверждал, что правду невозможно навечно спрятать в сундук. Рано или поздно, говорил он, она разнесет в щепы все черные сундуки и вырвется на просторы мира, как ливень. Сколько было их, злобных невежд, уверенных в том, что они уже навсегда упрятали правду под замок! Но от их сундуков и замков не осталось ничего.

Как известно, гражданская война на Кавказе проходила в особенно сложных условиях многонациональности, межплеменной

вражды, характеризовалась частой смелой властью. В таких условиях правду пайти было нелегко, и когда горец, уже немолодой, сказал, что «правда у большевиков», то это было одновременно и свидетельством высокой гражданственности поэта, и его поэтического прозрения. «Я к Ленину шел — и пришел ко мне Ленин», — сказал Кязим, и эта афористично звучащая строка с удивительной силой выразила суть явления: Ленин пришел к горцам, пришла к ним его правда, чтобы возродить народы Кавказа.

Почти все творчество горского поэта советского периода — это немеркнущий накал оптимизма. К кому бы он ни обращался — к пионерам, к юным девушкам или к своим сверстникам, — его строки проникнуты жизнеутверждающим пафосом новизны. Светлая жизнь вошла в жилища горцев, и поэт славит ее в полный голос. А когда в 1941 году в нашу страну хлынули фашистские полчища, Кязим-боец, Кязим-джигит восклицает:

Насытимся мы снова хлебом смелости,
Мы победим во имя светлых прав.
Мы сохраним свою державу в целостности.
Как знамя, правду Ленина подняв!

Все живое и прекрасное на земле, чему служили такие гуманисты, как Кязим Мечнев, и их поэзия, живет, по-прежнему освещая души своим непобедимым и негасимым светом.

Известный советский поэт-переводчик С. Липкин сделал для нас и для всех, кому дорога настоящая поэзия, огромное дело: он распахнул двери русского языка перед поэзией Кязима Мечнева.

Когда пишу эти строки, я как бы снова прижимаюсь щекой к жесткой бороде и мудрому сердцу моего Учителя, чувствую на своем плече его добрую руку. За моими окнами снова белеют горы, медленно проходят облака от Эльбруса к Казбеку, как при Кязиме, на улицах Налчика рдеют розы. Я вижу мир, который был ему так дорог.

К памятнику К. Мечнева школьники приносят цветы. Люди чтят его за любовь к ним и прозорливость. Талант долговечен. Поэт и горы смотрят друг на друга. Они были необходимы друг другу. Кязим верил, что вечен мир и бессмертна поэзия. И мы вторяем вслед за мудрым поэтом:

...Но, чтобы в человеке
Свет мысли не погас,
Огонь любви навеки
Горит для нас — и в нас.

К а й с и н К у л и ц е в

СТИХОТВОРЕНИЯ

***

К тебе я хотел перебраться в челне,—
Челнок опрокинулся мой.

К тебе я хотел прискакать на коне,—
Свалился мой конь вороной.

В письме я с тобою повел разговор,—
Письмо утонуло в реке.

Мой голос не слышен тебе из-за гор,
Лишь эхо звенит вдалеке.

1890

Кабардино-Балкарская Государственная научная
Библиотека и ели Н. К. Круляковой
гор. Нальчик, уя. Ногмова, 42

КОТЛЯРЕВСКИЙ

193 г.

17

СТ. КОТЛЯРЕВСКАЯ

* * *

Холмик мы не приравняем к скалам,
Ветке садом слыть не подобает.
Выживает раненный кинжалом,
Раненный любовью — погибает.

1890

* * *

Чую твоего жилья тепло,
Мы соседи, наши сабли рядом,
Но меж нами столько верет легло,
Сколько меж Чегемом и Багдадом.

Твой отец и брат тому виной,
Что легла меж нами даль такая.
Дверь твою закрыта предо мной,
Как пред грешником — ворота рая.

1890

ЖАЛОБА

Я любила бедного джигита,
Но моя кичливая родня
На мою любовь была сердита,
За него не отдала меня.

Темными становятся вершины,
Если нет ни солнца, ни луны:
Те, кто не поймет моей кручины,
Точно так же помыслом темны.

Люди, что вы сделали со мною,
Как мне быть, как справиться с бедой?
Против воли стала я женою
Старика с седую бородой!

О моих слезах замолкла повесть,
И под гнетом ропот мой затих.
Дни мои теперь черней, чем совесть
Черных притеснителей моих.

Я познала все на свете грозы,
Всю неправду, всю тоску земли.
Если б я лила на камень слезы,
То они бы камень тот прожгли.

Ночью просыналась я в тревоге,
Будто бить меня хотят плетьюми,
Утро я встречала на пороге
В страхе перед миром и людьми.

Никого не трогали в округе
Робкой жалобы моей слова,
Только в тишине ночной в испуге
Отвечала мне порой сова.

✓ Годы шли, меня в печали старя.
Все прошло, не стало прежних сил.
Я была скотиной на базаре:
Этот продал, тот меня купил.

Да не будут девушки, рыдая,
Проклипать, как я, свои года!
Так, как я страдала, пусть другая
Больше не страдает никогда!

Матери, отцы! Не разлучайте
Молодых возлюбленных сердца,
Счастья ранних лет не разрушайте,
Не желайте горького конца!

Девушки! Неволей стать женою —
Хуже, чем упасть с крутой скалы.
Что такое страх перед роднею?
Это цепи, это кандалы!

СЕТОВАНИЯ ДЕВУШКИ

Дал мне косы длинные аллах,
Только счастья не дал мне в делах,
Черные глаза дала мне мать,
Чтоб любовь у дочери отнять.

С милым я навек разлучена,
Скорбь моя соседям не слышна.
Где найду слезам своим приют?
Только скалы боль мою поймут...

1900

***

Храбрость острее любого кинжала,
Трусость тупее мотыги тупой.
Храбрость в бою твой очаг отстояла,—
Трусость залить его хочет водой.

Храбрость прочнее и тверже гранита,
Трусость бессильна, безвольна, как дым.
Храбрость, друзья, выбираем открыто,
Ибо людьми называться хотим!

УЮЮ

ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО

Храбрый скачет, робких презирая,
Любит сплетни женщина дурная,
Место для орла в горах — вершина,
Любит нагло врать плохой мужчина.

Долго спит бездельница в постели,
Мелет глупый вздор все дни недели,
Пустослову по сердцу обманы,
Ложью набивает он карманы.

Грязную овцу кусают блохи,
Те мужчины, что трусливы,— плохи,
Болтунов безмозглых презираю,
Труссы не нужны родному краю!

1901

Только вышел я из сакли на заре,
Воробья увидел сразу на дворе.
Мой голодный, но свободный воробей,
Ты не знаешь ни рабов и ни князей!

1902

* * *

Я слагаю стихи и железо кую,—
В том и в этом есть надобность в нашем краю.
Не князья нам пужны, а пужны топоры,—
И Кязим это поняд с недавней поры!

1905

ХОРОШЕЕ СЛОВО

Хорошее слово ножом не разрубишь,
Угрозы ему не страшны,
В огне не погубишь, на рынке не купишь,—
Оно не имеет цены.

Скажи мне, что жизнь без хорошего слова?
Как будто без соли еда!
Хорошее слово — мужчины основа,
В нем слышится сердце всегда!

Хорошее слово — противник насилия,
Борцам помогает созреть,
Хорошее слово для доброго — крылья,
Недобрых стегает, как плеть.

Хорошее слово с отвагою слито,
Блестит, как дамасская сталь,
Для нищих — богатство, для слабых — защита,
Утешит, прогонит печаль.

И пуля остынет, и поле заглохнет,
И влага в песке пропадет,—
Хорошее слово не стынет, не сохнет,
А мчится вперед и вперед.

Хорошее слово — твой разум и голос,
И солнце твое, и луга,
Души твоей сказка, земли твоей колос,
Огонь твоего очага!

Хорошее слово — твой праздник и горе,
И горский тяжелый твой хлеб,
И меч, и кольчуга, и воздух нагорий,
Где ты возмужал и окреп.

Хорошее слово с тобою смеется,
С тобою грустит в трудный час,
Мы жизнь покидаем,— оно остается
И служит живым после нас.

Насильники, вам не отдам свое слово,
Бесчестных не терпит Кязим!
Всегда мое слово — опора живого
И предано людям простым!

1905

МОЕМУ ПСУ

Мой пес, приятель в черной шкурке,
Тебе тепло без горской бурки,
Ко мне ласкаешься, любя,
Я никогда не бью тебя.

Ты стадо сторожишь на славу,
Тебе мерзавцы не по нраву,
Как я, не терпишь ты врагов —
Двуногих мерзостных волков!

Дружу я много лет с тобою,
Мы общей связаны судьбою,
Ты много света мне принес,
Мой черный пес, мой добрый пес!

На недругов моих ты лаешь,
А мне спокойных дней желасшь,
Ты в кузне у меня, как друг,—
И пусть бушует дождь вокруг!

Ты за меня, презревши робость,
В огонь пойдешь и прыгнешь в пропасть.
Я вижу, как тосклив твой взгляд,
Когда и я тоской объят.

Из-за меня страдал, бывало,
Моих стихов узнал немало,
Умнее, чем знаток иной,
О них беседовал со мной.

Хозяин твой не князь, а пиццей,
Тебе он не жалеет пицци,
Стихи поет и сталь кует,
Собаку никогда не бьет.

Ты заслужил вот эти строки,
Мой черный пес, мой быстроокий!
Бесчестным, злым внуши испуг,
Мой черный пес, мой верный друг!

1906

ЗАВЕЩАНИЕ СЫНУ

Сын мой, скоро я в могилу лягу.
Сколько зла судьба мне принесла!
Ты же, может быть, придешь ко благу,
Жизнь увидишь без людского зла.

Если ты увидишь, что взрастили
Люди мир и счастье на земле,
Сын мой, подойди к моей могиле,
Крикни мне о побежденном зле.

Может быть, сквозь черный прах могильный,
Чтоб я смог спокойно отдохнуть,
Голос твой услышу звонкий, сильный...
Только, сын мой, крикнуть не забудь!

1906

ВОРОБЕЙ, КОТОРЫЙ ЗИМОЮ
СЕЛ НА НАШЕМ ДВОРЕ

На дворе — мороз, дружище,
Ты замерзнешь, воробей.
Иль не сыщешь в мире пищи,
И приюта, и друзей?

Воробей, от стужи лютой
Не спасешься ты никак.
В перья горлышко не кутай,
Не согреешься, бедняк!

Бедняков, тебя похуже,
Много есть у нас в краю,
На земле от зимней стужи
Худо им, как воробью.

Накрошу тебе я хлеба,
Подкрепись-ка поскорей.
Пусть тебе поможет небо,
Не робей, мой воробей!

Я хочу, чтоб ты, брат, выжил,
Поголял с весной вдвоем.
Кот не съел и срок не вышел?
Значит, снова мы живем!

Тот, кто беден, тот в неволе,
Так от века повелось,—
У него врагов поболее,
Чем на голове волос.

Разве нам поможет робость,
Если недруги кругом?
Тот, кто глуп и робок,— в пропасть
Инизвергается врагом!

От мальчишек нехороших
Постарайся улететь:
Накидают хлебных крошек
И тебя заманят в сеть!

Стужа. Ветер воем люто.
Воробей, среди зимы
Ты, как мы, лишен приюта,
Голодаешь ты, как мы.

1907

78141

ХВАСТЛИВОМУ КНЯЖИЧУ

На нас ты смотришь свысока,
А чем ты лучше бедняка?
Из века в век, из года в год
Чужим трудом живет твой род!

Ты дружбы не проси моей,
Я не ищу таких друзей.
Дороже мне один мой стих
Всех знатных родичей твоих!

1907

Входит в наши аулы туман из ущелий,
Входит в хлевы, конюшни без видимой цели,
Точно так же, без спросу, хоть дверь на запоре,
Входит в наши дома беспросветное горе.

1918

* * *

Я сравню тебя с моей стрелою,
Молодость, пустилась ты в полет.
За какой сокрылась ты скалою?
Кто тебя, далекую, найдет?

Ты взяла красу и стать фазанью,
Молодость, достойная хвалы,—
Или ты была той самой ланью,
Что погибла от моей стрелы?

1910

* * *

Норою на вершине снег блистает,
Норою тает на горе,
А боль моей души, увы, не тает,
Ни при какой жаре.

Свалился тур, чью кровь земля глотает,—
И вот от крови нет следа,
А боль мою долина не впитает,
Не унесет вода.

1910
Стамбул

***

Если дождь прошел и даль светла, —
За дождем ты не скачи в седле.
Если молодость твоя прошла,
Не ищи ее по всей земле.

Ты ее не купишь у купца,
Хоть и станешь цепу набавлять,
Не получишь снова от отца,
Не возьмешь у матери опять!

1910
Стамбул

* * *

Серый камень сорвался с утеса,
В мрачной бездне остался лежать...
Никогда ты наверх не вернешься,
Свой утес не увидишь опять...

Я молю тебя, господи, ныне: |
Лучше в камень меня преврати,
Но остаться не дай на чужбине,
К моему очагу возврати!

1910
Дамаск

* * *

Избороздил я много бурных вод,
Бывал у турков, ездил я к арабам.
Бедняк повсюду как бедняк живет,
И сильный измывается над слабым.

1910
Стамбул

* * *

Горя много, счастья мало, путь тяжел.
Я искал повеюду счастье,— не нашел.
Долго с горем я боролся словом правым,—
Точно сито, сердце сделалось дырявым.

Как и горец, смотрит с горечью араб,
Как и горец,— он бесправный, бедный раб.
Разлилась печаль по всем людским жилищам,
Где б я ни был, низко кланяюсь я нищим.

1910
Мекка

***

Если б знал, где для родины счастье найти,—
Прискакал бы к нему, сделав ноги — конем,
Если б кровь, как река, разлилась по пути,—
Переплыл бы ее, сделав сердце — челном.

1910
Мекка

* * *

Багдад посетил я, увидел Стамбул,
Я в Мекке от тягот пути отдохнул,
Но мне показалось, что вновь я родился,
Когда возвратился в мой бедный аул.

1910

Мир — тяжкая тропа, где скорбь и горе,—
По той тропе чьи ноги не прошли?
Мир — это взбаламученное море,—
И чьи в нем не тонули корабли?

Мы по морю плывем среди многоводья,
Не зная, где корабль потонет вдруг.
Мы падаем с коня, хотя поводья
Стараемся не выпустить из рук.

Каким бы, мир, ты ни был горьким морем,—
Тебя мы любим, ты — наш отчий дом.
Пускай тропа в снегу,— мы с бурей спорим,
Сквозь вихрь и снег мы все-таки идем!

1910
Багдад

У турков, арабов проделав скитаний круги,
Я снова увидел вершины твои, Безенги.
Что может быть лучше, отраднее в мире земном,
Чем запах кизячного дыма в ауле родном!

1910

СТРОКИ ПИСЬМА,
ПОСЛАННОГО ДОМОЙ ИЗ АРАВИИ

Родине сыновний шлю привет,
Двум аулам Безенги.
Пусть моя земля не знает бед,
Пусть умрут ее враги.

Шлю я старой матери поклон,
Пусть не сетует она,
Что я долго с нею разлучен
И трона моя трудна.

1910

Свое метнул я слово, как стрелу,
И та стрела разбилась о скалу.
Но пред насильем не склонюсь покорно,
Я буду проклинать его упорно!

1910

* * *

Мы овцы. Ближе, ближе стая волчья.
Безгласен наш испуг, и боль глуха,
То жмемся, то шарахаемся молча,—
Отара, что лишилась пастуха.

1910

• • •

Чтоб родину избавить от невзгод,
Я в кузнице кую железо с жаром,
И, видя, как страдает мой народ,
Я сам горю, как уголь в горне старом.

1910

***

Скорбит земля родная, плачут реки,
И топчет сильный тех, кто послабей.
Чтоб мой народ свободным стал навеки,
Помочь прошу я бога и людей.

1970

МАТЬ ОХОТНИКА

Мой сын, идишь охотиться на тура,
А сердце поет у меня в груди:
Суровые вершины смотрят хмуро,
Туманы, бездны, кручи впереди!

Мой сын, повсюду снежные провалы,
А в сердце матери твоей — тоска:
Так скользки в пору снегопада скалы,
Над пронастью тропинка так узка!

Мой сын, в горах давно отцвел терновник,
А голос материнский задрожал:
Тебе не ждет ли наш давиший кровник,
Не точит ли в ущелье свой книжал?

Мой сын, пускай поймет мою тревогу
Наш Абеаты, бог леса и зверей,—
Храни тебя, пусть выйдет на дорогу:
Ведь ты один у матери своей!

Мой сын, пора настала снегопада,
Печальны, мрачны горные пути.
Клянусь тебе, что умереть я рада,
Даго тебя от гибели спасти!

1910

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Луна в родном ауле
Нам светит, мой малыш.
Вершины гор заснули,
А ты еще не спишь.

И ослик и теленок
Уснули на дворе.
Не плачь, мой соколенок, —
Проснешься на заре.

Цыплята спят в сарае,
Луна им шлет привет.
Усни, забот не зная,
Усни, мой лунный свет.

Скорее стаь мужчиной,
Скорей порадуй нас,
Усни, мой снег вершинный,
Усни, мой светоч глаз.

Пусть беды в день жестокий
Проходят стороной.
Усни, мой белобокий
Ягненок родной.

Под месяцем лучистым —
Покой и забытье.
Твой мир да будет чистым,
Как молоко мое.

А кто клинок добудет,
Кто станет нам врагом,
Да материнским будет
Он проклят молоком!

Ты на земном просторе,
Всем недругам на страх
Живи, как рыба в море,
Как птица в небесах.

Спят скалы и утесы,
Кругом — луна и тишь.
Усни, звонкоголосый,
Усни, усни, малыш!

1910

Т Р У Ж Е Н И К У

Умный трудится, не уставая,
Ничего не делает глупец.
Что сказать о сущности лентяя?
Я скажу: лентяй — живой мертвец.

Радостно живется работающим,
Лодырям тоскливо жить везде.
Наше счастье станет настоящим,
Если мы найдем его в труде.

Без труда и сердце не на месте,
И чурека нету на столе.
Без труда прожить — прожить без чести,
Лишним оказаться на земле.

Жалок лодырь, словно пес бездомный,
Хоть порою он одет в шелка.
У жены лентяя — жребий темный,
А у матери его — тоска.

Трудолюбье землю озаряет,
Свет и разум жизни — честный груд.
Лодыря повсюду презирают,
Труженику почесть воздают.

1910

* * *

Несчастный мой народ, я твой удел постиг,
И чтоб тебе помочь, прочел я много книг.
Читаю и пишу, и нет конца труду,
Но счастья для тебя никак я не найду.

1922

* * *

Шумя, с отвесных гор сбегают вниз потоки.
Уходят холода в назначенные сроки,
Лишь горе моего народа постоянно,
И в сердце у него не заживает рана.

1912

Сегодня князь Суююнч Ахмата-бедняка
Ударил палкою — и голову рассек.
Той палкой ранен я, и рана глубока:
Душа моя в крови,— не заживет вовек.

1912

Кто бы нам чувяки сшил без платы,
Чтоб могли мы вечно в них шагать?
Где для нас найдется конь крылатый,
Чтоб на нем до счастья доскакать?

Но и кожи нет, чтоб горцам нищим
Сшить чувяки вечные себе,
И коня крылатого не сыщем,
Чтоб к счастливой прискакать судьбе.

1912

П Р А В Д А

Правда — перушная гора.
Правда — и могуча и добра.
Правда не заблудится во мгле,
Правда не повиснет на скале.

Не кичитесь, князь и богатей,
Вы не лучше нас, простых людей,
Будут и богатства и чины
Вместе с вами в прах превращены!

А народа правда не умрет,
Отстоит, спасет ее народ,
Ни убить ее нельзя, ни сжечь,
В сердце правды не войдет и меч!

Правда всех насильников сильней,
Каторга беспомощна пред ней,
Правда не боится ни царей,
Ни бичей, ни палок, ни цепей!

Это говорит хромою Кязим,
И пока гляжу в глаза живым, —
Только правде словом я служу,
Только правду чту, как госпожу!

1912

ОСЛИКУ С ИЗРАНЕННОЙ СПИНОЙ

«Молоко ослиное погапо,
Но терпению ослика хвала»,—
Дуралеи говорят — и рьяно
Гонят, вьютчат, мучают осла.

Наши горды без тебя от века
Не обходятся в краю родном,
Почему ж плохого человека
Приято у нас бранить ослом?

Знают хорошо твои копытца
На дороге каждый поворот.
Наблюдал ты взором очевидца,
Как заря заходит и встает.

Нет, мне твой хозяин не по праву,
Ослик с черной раной на спине.
Бедный ослик! По какому праву
Он тебя избил, поведай мне!

Уши книзу у тебя повисли,
От обид и боли ты ослаб
И стоишь, исполнен грустной мысли,
Как и мы, ты — бессловесный раб!

Знаю, что твою большую рану
Я своим стихом не излечу,
Но стихи твердить не перестану:
Бормочу я,— значит, не молчу.

Строк моих ты не поймешь, бедняга.
Ты с людскою речью незнаком,
Но пускай пойдет тебе на благо
Боль моя, звенящая стихом!

1912

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ОДИНОКОЙ ИВЫ
У ГОРНОЙ РЕКИ

Ты у речки расцвела красиво
И меня обрадовала, ива.
Трудно в кратких описать словах
Мягкие барашки на ветвях!

К нам пришла ты из какого края?
Как ты здесь росла, семьи не зная?
Как ты не сгорела в душный зной?
Не замерзла, бедная, зимой?

Как росла ты без сестер и братьев,
И друзей и родичей утратив?
Ни отец, ни любящая мать
Не могли сиротку опекать!

Я не раздавлю твои барашки,
Зла тебе не причиню, бедняжке,
Не срублю тебя, не погублю,
Я не из таких: я жизнь люблю!

Ты нежна от белого цветенья,
И тобой люблюсь каждый день я.
Я склоняюсь у твоих ветвей,
Прелесть бедной родины моей!

Знаю, есть такие лиходеи
(Оттого ты стала мне милее!),
Что тебя хотят сломать, срубить,
Вместе с корнем вырвать, истребить.

Не позволю, чтоб лила ты слезы!
Пусть тебя не обдирают козы,
Пусть не гнет свиреный ветер с гор,
Пусть не рубит вражеский топор!

Этот мир обходится жестоко
С нами, уходящими до срока...
Ива-сиротинка над рекой,
Да хранит всевышний твой покой!

1913

***

В аулы к нам беда легко находит путь.
Хоть заблудилась бы в горах когда-нибудь!
А счастья, как ни ждем, все нет, запропастилось:
Как видно, где-нибудь в теснине заблудилось!

1913

ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Юность отмечталась. Что мне делать?
Вот пришла усталость. Что мне делать?
Близко, близко старость. Что мне делать?
Убежать осталось? Что мне делать?

Хоть беги на горную вершину,
Хоть в морскую погрузись пучину,—
От годов себя ты не избавишь,
Старость восвояси не отправишь.

Эй, Кязим, трудись всегда, всечасно,
И, трудясь, ты не вздыхай напрасно!
Куй стихи с железом воедино,—
Вот где высшей мудрости вершина!

Прогони унынье в эту пору,
Мудрость ты возьми себе в опору.
Ты трудись упорно, непокорно,
Куй железо, стих слагай у горна!

1913

* * *

Стал мрачен свод небес, пад саклями навешный,
И горести, как снег, псыпались на крыши.
Аллах, аллах, взгляни на горы! В самом деле:
Их головы от бед и горя поседали!

1913

202
22
8
11
8

* * *

Кязим, к чему твой стон и вздох глубокий?
Как волчий вой — твой голос одинокий.
Ты обратил глаза на мир жестокий,
И брызнули на землю слез потоки.

1914

1914

Немало горьких слов ты людям даровал,
Кязим, ты проклинал, Кязим, ты горевал,
Но можно ль на земле прожить без горьких слов,
Когда нам смерть грозит от множества волков?

1914

1914 ГОД

Вновь охвачен мир войной кровавой,
Умирает мирный труд природы.
Проклят царь, владеющий державой:
Он принудил враждовать народы.

На войну уходят молодые,
Остаются матери в тревоге.
Грозно, как обвалы снеговые,
Пизвергаются на нас палюги.

В мире нет покоя и надежды,
Па две части он войной расколот.
Не хватает у людей одежды,
Надвигается угрюмый голод.

Губит на земле один другого,
Горе и беда на белом свете,
Мертвый хочет задушить живого,
А народ за все, за все в ответе.

Ныне в мире правит злое время,
Нас, несчастных, плавит злое время,
Все живое давит злое время.
И сердца кровавит злое время.

Справимся и с этим тяжким горем!
Стойте, горы, как всегда стояли:
Стойкости учась у вас,— поборем
Все невзгоды мира, все печали!

1914

* * *

Да будут прокляты насильники стократ!
Как угли в очаге, сердца у нас горят.
Но в правду верить, как в хлеб насущный, будем,
Надежду посохом избрав на радость людям.

1914

Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад,
По горы, как всегда, без трепета стоят.
В години бедствия, тревоги и невзгод
Учись у наших гор, несчастный мой народ.

1914

* * *

Идет в ауле дождь, блестя, шумя, струясь,
И с каждой улицы он всю смывает грязь.
Но смоят ли с людских сердец клеймо кручины
Те ливни грозные, что падают с вершины?

1914

* * *

В трубу моей сакли падает черный снег.
Стучится тревога, просится на ночлег.
Скажи мне, тревога, злая гостья моя,
Ужели другого нет у тебя жилья?

1915

02

* * *

Кипжальных ран и пулевых не счесть на нашем теле,
И больше горечи в душе, чем скал среди ущелий.
Как скалы, терпим каждый день и вихри и обвалы:
Все те, кого зовут людьми, выносливы, как скалы!

1916

МОЯ СТАРАЯ САКЛЯ

Ты, старая сакля, немало
Мне счастья и горя дала.
От вьюги меня охраняла,
Зимой не жалела тепла.

Звенела ты свадебным пиром,
О мертвых рыдала не раз.
Встречала приятелей с миром,
Врагов принимала подчас.

Надежды, восторги, досады
Ты честно делила со мной.
В ненастные дни, в снегопады
Была для меня ты броней.

Дожди подбирались вплотную,
И ливни войсками текли,
Но крышу твою земляную
Они победить не могли.

Огонь очага наблюдая,
Я думал о жизни своей.
Здесь, в сакле, подруга седал
Растила моих сыновей.

Здесь, в сакле, обрел я опору,
Здесь думы окрепли мои,
Здесь в самую трудную пору
Я хлеб добывал для семьи.

Я здесь бормотал свои строки
В тепле твоего очага.
Кто б ни был он — близкий, далекий, —
Ты гостю была дорога.

Здесь песни я складывал смело,
Приверженность к правде храня.
Ты, сакля, тепла не жалела,
Тепла и огня для меня.

1916

* * *

Толкуют о царе, о войске говорят.
Налогов требуют и требуют солдат.
Кровавых рек поток, глухих громов раскат,
Аулы — как сады: побил их сильный град.

Нам не дает вздохнуть жестокости указ.
Цвет жизни под ярмом насилия погас.
Неправда душит всех, кто угнетен сейчас,
И бешеные псы бросаются на нас.

Вам это говорит хромой кузнец Кязим.
От горьких, долгих слез я стал почти слепым.
Вам это говорит Кязим в последний раз:
Терпенья больше нет, терпенья нет у нас!

1916

ПЕСНЯ О СОЛТАН-ХАМИДЕ¹

Чтоб служить народным нуждам,
Он за Кировым пошел.
Богачам, народу чуждым,
Был он страшен, наш орел.

Чтобы горец был свободен,—
Повсеместно знаменит,
Беспощаден, благороден,
Бил врагов Солтан-Хамид.

Он в бою с коня свалился,
Обагрив кровью прах.
Показалось: дождь пролился,
С кровью смешанный, в горах!

Был он с Кировым в сраженье,
Смело ринулся в борьбу,
А вернулся к нам в селенье
В позолоченном гробу.

Ни угрозы, ни злословье
Не сломили смельчака...
Конь его, обрызган кровью,
Прискакал без седока.

В том бою свистели пули,
Пули падали, как дождь...
Над соратником в ауле
Плакал Киров, горский вождь.

---

¹ Солтан-Хамид — балкарский революционер, соратник Кирова во время гражданской войны на Кавказе. Погиб в Чечне в 1918 году, прикрыв собою Кирова от вражеской пули.

Он покрыл Солтан-Хамида
Черной буркою, и мгла,
Как народная обида,
На вершины гор легла.

Смелого исполнен духа,
Пал в бою Солтан-Хамид,—
Пусть же будет легче пуха
Та земля, где он лежит.

Плачут горы вместе с нами:
Храбрый горец опочил,
Но над ним пылает знамя —
То, что Ленин нам вручил.

Павшего героя смелость
Средь людей всегда жива,—
Потому-то захотелось
Мне о нем сложить слова.

1918

БЕРИТЕ ОРУЖЬЕ!

Берите оружие на радость живым,
Удачи желает вам горец Кязим!
Не ради убийства и кровопролитий,
А ради свободы оружие берите!

Не сбейтесь, джигиты, с прямого пути:
Дороги открыты, чтоб к правде дойти!
На ваших клинках — это видно мне сразу —
Сверкает свобода, свобода Кавказу!

1919

* * *

Я понял: честен путь большевиков.
Они людей спасают от оков.
Не я ли сам, среди угрюмых скал,
В оковах долго плакал и стонал?

Мой стих да будет с этих пор огнем,
Чтоб все оковы расплавлялись в нем.
Пусть превратится на моих глазах
Тюрьмы последний камень в пыль и в прах!

1919

СЫНУ МУХАММАДУ

Слагаю стих, но строчка тяжела мне,
И душат, душат слезы мой рассказ.
Слова стоят, недвижимые, как камни...
Мой сын, как рано ты ушел от нас!

Туман ползет, ползет по небосводу.
Не зная сна, встречаю утро дня,
Ты отдал жизнь за правду и свободу,
Мой сын, куда ты скрылся от меня!

Ты в бой пошел, как на работу в поле,
Ты партизаном был у нас в горах.
Твой правый меч служил желанной воле,
С коней кадетов сбрасывал ты в прах.

Тебя унес навеки вихрь кровавый,
Стенаньям материнским нет конца,
Но запесен ты в списки вечной славы,—
Вот утешенье старого отца.

Рыдает мать седая в черной шали,
Вершины гор безжалостны к врагу.
И горцев греет в горе и в печали
Кровь смельчака, что рдеет на снегу.

Я горцев призывал сражаться смело,
Мне пыле малодушие не к лицу.
Мой сын, ты бился за святое дело,
Как надлежит поэту и бойцу.

Пусть я умру такой же смертью трудной,
Да будет смелость и со мной дружна,
Да будет вечен свет свободы чудной,—
Мы знаем, какова ее цена!

Отважные нужны родному краю,
В большевики запишемся, как ты.
Смотри, мой сын, я слезы вытираю,
Чтоб видеть солнце нашей правоты.

1919

* * *

Советская власть — это ствол золотой,
Богатый плодами, шумящий листвою.
Такая опора — сильнее всех опор,
Кто враг этой власти,— тот враг моих гор.

1924

Л Е Н И Н

И горы, и люди, послушайте снова,
Что сердце вам хочет сказать.
Вам долго служило правдивое слово,—
Я верю, послужит опять.

Смотрите: вершина белеет высоко,—
Так Ленин пред нами встает.
Он цени разбил и народы Востока
Повел за собою вперед.

Чтоб жадных владык уничтожить, свирепость, ✓
С рабочим сроднил чабана,
Насилья разрушил он черную крепость,
И стала нам воля видна.

Недаром боролся он долгие годы,
Чтоб людям дышалось вольней:
Ворота свободы, ворота свободы
Раскрыл он для бедных людей!

Он — правды сиянье, он — дружбы опора,
Мы равных ему не найдем.
Я верю, что все человечество скоро
Пойдет его ясным путем. ✓

Он умер. Но, мира свободного создчий,
Для нас он остался живым.
Послушай, батрак, и послушай, рабочий,
Совет, что дает вам Кязим:

Не верьте князьям, богатеям не верьте:
Плохой, ненадежный оплот
Тот камень, который толкает вас к смерти,
Который сейчас упадет.

А Ленин — оплот, что вовеки нетленен,
Он — крепче родных наших гор.
Я к Ленину шел — и пришел ко мне Ленин,
И стал я сильнее с этих пор.

БУДЕМ УЧИТЬСЯ!

У темного — и день в тумане.
Кто с грамотою незнаком,—
Запомните, односельчане! —
Пути не сыщет в исполком!

Кто знаниями облагорожен,—
Богат могучею душой.
Кто против знаний,— тот ничтожен,
Он бродит в мире, как чужой.

Наука прорубает скалы,
Несет пустыням шум воды,
Расцвет являя небывалый,
Зимою нам дарит плоды.

Наука реет на просторе:
Помчит конем, взлетит орлом,
Нырнет, людей спасая, в море
За потонувшим кораблем.

Всем людям свет науки дорог,
В нем — утверждение наших прав.
Ты был незряч? Ты станешь зорок,
Науку Ленина познав!

✓ Я говорю вам, братья, с жаром:
Учитесь каждый день и час.
Нужна и молодым и старым
Наука — светоч наших глаз.

1926

РАЗГОВОР СО СТАРОСТЬЮ

— Ты зачем пришла без спросу, старость?
Разве я позвал тебя сюда?

— Спрашивать? Да я и не пыталась:
Знаю, что у вас ко мне — вражда.

— Как нашла ты путь ко мне, седая?
Много ль исходила ты дорог?

— Нужный дом найду я, не блуждая,
Я приду, когда наступит срок.

— Не могла ты заблудиться, что ли,
Задержаться где-нибудь в пути?

— Что за чушь! В горах, в пустыне, в поле —
Я везде смогу тебя найти.

Отыщу я каждое жилище
Темной ночью иль в начале дня.
Самодержец иль бесправный нищий,—
Люди, все равны вы для меня.

Я, как вы, пред сильным не робею,
Что мне властелинов гнев и плеть?
Даже князю, даже богатею
Невозможно старость одолеть!

Грозных войск не хватит у владыки,
Чтобы на меня пойти войной.
Полководец, храбрый и великий,
Не сумеет справиться со мной!

— Я ворота запер бы со злостью,
Если б знал, что ты ко мне идешь.
Не впустил бы в дом такую гостью:
За собой ты хворость приведешь.

Предстоит мне сделать много дела,—
Ты прервешь мою работу вдруг.
Приказав, чтоб темнота одела
Дни мои, отнимешь силу рук.

Выбьешь мне, безжалостная, зубы,
Скажешь мне: — Пришла твоя пора! —
Дашь мне посох сучковатый, грубый
И усадишь во дворе с утра.

Ночью слабый звук меня разбудит,
И заснуть я не смогу опять.
Мне из старой сакли трудно будет
Выйти — свежей травкой подышать.

Не услышу над горами грома,—
Наградишь меня ты глухотой.
Уведешь в последний раз из дома,
Чтобы я заснул в земле сырой.

Старость, старость, твой суровый холод
Руки, ноги властно мне скует...
Но мой стих, как прежде, будет молод,
С ним я вырвусь из твоих тенет!

За сердца людей всегда в ответе,
Я теплом своих стихов согрет:
Ведь пока поэт живет на свете,
Старости не ведает поэт!

МНОГО ВИДЕЛ КЯЗИМ

Я видел, что князья в шелка одеты,
А бедняки — в дырявые бешметы.
В руках князей я слышал свист плетей,
Я видел кровь загубленных людей.

Я видел унижение человека,
Я видел семьи без куска чурека,
Я слышал то, что думали рабы:
Моя судьба — частица их судьбы.

Они таскали и дрова и воду,
Косили сено в летнюю погоду,
Кормили в зимний день хозяйский скот,
Весной трудились на полях господ.

А сами постоянно голодали,
И беды в трубах их жилищ рыдали,
А жены их, живя еще трудней,
Кормили грудью княжеских детей.

Кязим за век свой долгий видел много.
Поэтому так радостно с порога
Смотреть на красный флаг среди горных скал,
На флаг, который Ленин нам прислал.

Друзья, Кязима слушайте хромого:
Поэта слово есть народа слово.
Кязим боролся с горем много лет,
Вот почему он славит красный цвет!

1928

ПИОНЕРАМ

Друзья мои, хочу сказать вам снова,
Что вы — надежда и расцвет земли,
Вы — всё, что ярко, молодо и ново,
Хочу, чтоб вы героями росли.

На скачках состязаются джигиты,—
Любите, состязаясь, труд, и честь,
И те пути, что широко открыты,
И груды книг, что вы должны прочесть.

Для вас, как жизнь, да будет драгоценен
Полет мечты — в грядущее полет.
Учитесь так, как завещал вам Ленин,—
Он среди вас, поверьте мне, живет!

Хочу, друзья, чтоб знания светоч ясный
Нести с отвагой было вам дано.
Хочу, друзья, чтоб стали вам подвластны
Простор небесный и морское дно.

1929

МОЙ СТАРЫЙ КУВШИН

Кувшин, кувшин, скажу без лести,
Судьба давно связала нас.
С тобою мы встречали вместе
И трудный день, и светлый час.

Ты родниковую водою
Меня поил и обмывал,
Делился радостью со мною,
Со мною горе горевал.

Как часто, одаря силой,
Прозрачней чистого стекла,
Вода моей отчизны милой
Из горла узкого текла!

Случалось, что в ночную пору
Тебя забуду во дворе,
Но ты, кувшин, не бегал к вору,
Ты ждал Кязима на заре.

Лишь в этом пред тобой повинный,
Безгрешен я во всем другом.
Прости меня, мой друг старинный,
Не будь суров со стариком.

Не заслужил я укоризны:
С тобой вдвоем из года в год
Трудился мы во имя жизни.
И нас никто не упрекнет.

С тобой, чья служба непорочна,
Я словом сердца говорю.
Тебя сработавшего прочно
Я мастера благодарю!

1936

БРАТСТВО

Забыть не смогу никогда, никогда
Кинжальные раны — былые года.
Я горе знавал, и терпел я беду,
Народа к народу я помню вражду.

Отрадою было царей и господ,
Чтоб дрался, сражался с народом народ.
Придут ли чужие, придут ли свои,—
Бои на дорогах, в ушельях бои.

То брат обезглавлен, то родич убит.
Чернеют утесы от горьких обид.
Набег совершают, аулы горят,
Овец угоняют и режут ягнят.

Вражда меж людьми, как убийцы стрела,
Вонзилась мне в сердце и в душу вошла.
Забуду ли в черных платках матерей?
Я с ними оплакивал их сыновей...

Так вот почему, к нашей правде влеком,
Я Маркса и Ленина славлю стихом:
Творили они, против зла онолчась,
То братство, которое вижу сейчас!

Себе говорю я: — Счастливец, смотри,
Вот братство под знаменем цвета зари!
То знамя со мной поднимает мой брат,
И песни мои, словно знамя, горят!

1936

МЫ

Мы — горожане или аульчане —
Работаем в едином, дружном стане.
И русские и горцы — мы свои,
Мы из одной, из трудовой семьи.

Мы твердо знаем цену дружбе, воле,
Как знаем цену хлеба, цену соли.
Лишь тот нам враг, кто ненавидит свет —
Таков священный Ленина завет.

Защищены могучим войском нашим,
Мы в будни трудимся, мы в праздник пляшем.
Веселье песен, светлый жар труда
Врагу мы не уступим никогда.

Сильны мы дружбой крепкою своею.
Никто, никто не сядет нам на шею!
Свободы вкус узнали мы, друзья,
Поэтому нас победить нельзя!

1958

П Л Я Ш У Щ И М
Д Е В У Ш К А М И Ю Н О Ш А М

Девушки, юноши кружатся в пляске,
Кружатся радости пестрые краски,
Мчится вода родниковая в блеске,
В каждой черкеске — орлиные всплески.

То ли костер заплясал, вырастая,
То ли шумит журавлиная стая,
Старые очи мои разгорелись,—
Снова мне солнца подарена прелесть.

Молодость, молодость, мира основа,
Мне на мгновенье подарена снова.
Юные, плавно вы кружитесь в пляске,
Вы мне вернули мой пламень кавказский!

1938

***

Послушайте, люди, что скажет Кязим,
Я много хорошего знал и дурного.
Пришла ко мне старость, как тысяча зим...
Пусть с вами живет мое доброе слово!

1939

* * *

Нагрянет смерть,— мой нес мне лаем не поможет.
Нагрянет смерть,— мой сын ее прогнать не сможет.
Нагрянет смерть,— и я засну последним сном,
Но будет жить мой стих на поприще земном.

Нагрянет смерть,— у нас отнимет в миг единый
Знакомой речки шум и синие вершины,
Но дом, что ты воздвиг, по твой заветный стих
Останутся с людьми, чтоб жить среди живых.

1940

МОЯ КОРОВА

С лысинкой на лбу моя корова,
Ты отменным нас поишь питьем.
Дружно восклицая: — Будь здорова! —
Твой айран мы с наслажденьем пьем.

Молоко даринь ты нашим детям,
Чтоб росли скорей и веселей.
С молоком густым, прохладным встретим
В жаркий день приехавших гостей.

Если будут бить тебя ребята,
Оскорбляя доброту твою,—
Их настигнет быстрая расплата:
Носохом своим я их побью.

Крепкая от корма лугового,
Нашу украшаешь ты судьбу,
С лысинкой на лбу моя корова,
Ласковая, с лысинкой на лбу.

1940

МЫ ПОБЕДИМ!

Война трубит на все четыре стороны
И наш порог переступает вновь.
Опять, опять над нами реют вороны,
Предчувствуя, что будет литься кровь.

Фашисты скачут на конях свирепости,
Живое задушить хотят враги,
Они хотят разрушить наши крепости
И погасить в жилищах очаги.

Воюя, трудно жить,— и тем не менее
Должны мы жить и восвать должны.
Ужасна весть, что сын погиб в сражении,
Но ради жизни пал он в дни войны.

Я вижу города в дыму и в пламени,
Я вижу с гор: на снег унал боец.
Мне кажется: та пуля обожгла меня,
Здесь, в сакле, сердце мне пробил свинец.

Как жизнь детишек без отцов упрочится?
Как будут жены без мужей стареть?
Прижать к груди мне всех сироток хочется,
Как будто всех дано мне отогреть!

Насытимся мы снова хлебом смелости,
Мы победим во имя светлых прав.
Мы сохраним свою державу в целости,
Как зная, правду Ленина подняв!

1941

ПОЭМЫ

РАНЕНЫЙ ТУР

1

Мы знаем свиреные бури,
И зной мы терпели не раз.
Сегодня о раненом туре
Хочу я поведать рассказ.

Я все изложу вам события.
Тоскуя опять и опять;
Об этом не в силах забыть я,
Об этом не вправе молчать.

Жаль, нет у балкарцев печати,
А то б напечатал рассказ,
Но мир — на заре, на закате —
Сокрыт для невидящих глаз.

В горах у нас грамотных мало,
Живет в темноте наш народ,
И многих неволя сломала,
И голод вздохнуть не дает.

Завьюжены сакли сурово,
И вихри не молкнут в ночах,
Сейчас я начну свое слово,—
Лишь ветки подброшу в очаг.

У нас отнимают и поле,
И хлеба голодный запас,
Но сказки, но песни о воле
Никто не отнимет у нас!

Опасны они супостатам,
В них сила народа жива.
Нет, мы не уступим проклятым
Рожденные в сердце слова!

Я как же, как тур, окровавлен.
Но раненый тур убежал,
А я не бегу, хоть направлен
Всегда в мое сердце кинжал.

Откладывать повесть не будем:
В золу превратишься, гляди,
Когда ты не выскажешь людям
Все то, что пылает в груди.

О раненый тур, мы похожи,
Я ранец, как ты, я горю,
Я тоже страдаю, и тоже
Я кровью своей говорю!

2

Красивый, большой, круторогий,
Стремительно тур поскакал
По узкой и трудной дороге
К воде, что текла между скал.

Заснуло усталое стадо,
А тур, опершись на утес,
От волчьего хрипа и взгляда
Всю ночь охрапал диких коз.

Охотников знал он обычай,
Он помнил, как щелкал курок,
Но пули не стал он добычей
И стадо пока уберег...

Заря за горой разгоралась,
А стадо, напившись воды,
По скалам неспешно взбиралось,
Не зная, не чуя беды,

Таилась напротив засада.
Вот выстрел гремит из-за скал.
И вверх устремляется стадо.
А тур? Он в крови, он унал!

Не в силах подняться по кручам,
В лощину он бросился вниз
И, жгучею раною мучим,
В ущелье над бездной повис.

Охотник, в звезду свою веря,
В горах обошел все пути,
По нулей пробитого зверя
Нигде не сумел он найти.

А тур, изнывая от боли,
В ущелье, где травка добра,
Мечтая о жизни и воле,
Всю ночь пролежал до утра.

Тяжелая рана горела,
И странно ломило в костях,
А кровь его жарко чернела
На горных цветах и листьях.

Казалось, теперь он слабосил
И хватит терпенья и сил.
Он тяжкую рану, как воин,
С достоинством переносил.

Подняться несчастному надо,
Но падает, падает кровь.
Совсем обессилел, но стадо
Увидеть надеется вновь.

Пылает кровавая рана,
Дышать на земле тяжело,
И вверх он глядит непрестанно,
Куда его стадо ушло.

Но где тот охотник, который
 Плутал по тропинкам глухим?
 Сегодня отравился в горы
 Сосед и земляк наш Хашим.

В нужде прозябая великой,
 Охотой кормил он семью,
 Скитался в горах горемыкою
 В безлюдном, лесистом краю.

Возникла скала снеговая.
 Увидел он перед собой
 Усталого тура: хромая,
 Бежал он отвесной тропой.

О ране своей забывая,
 Взбирался он вверх по скале,—
 Влекла его воля живая,
 Что людям нужна и земле!

За раненым гнался убийца,
 Чтоб тут же расправиться с ним,
 Чтоб крови горячей напиться,—
 И волка заметил Хашим.

Охотник ружье свое векинул,
 И выстрел раздался, и волк
 Траву, задыхаясь, раздвинул,
 Упал и навеки умолк.

Почудилось туру, что снова
 Грозит ему пуля врага.
 Предчувствия полон дурного,
 Взглянул он, откинул рога.

Но были напрасны тревоги,
 Охотник исполнил свой долг:
 О тур, ты спасен, круторогий,
 Дождался гибели волк!

Охотник стремился ко благу:
У бедных свобода в чести.
Бедняк, пожалел он бедягу
И туру позволил уйти.

4

За раненым из-за обрыва
Следил неотступно Хашим,
А тур побежал торопливо
И скрылся за склоном крутым.

В горах заживет его рана,
И вновь, озирая луга,
Для стада он станет охраной,
Степенно откинет рога.

Ты нули не бойся каленой,
О тур круторогий, живи,
В свободу и горы влюбленный,
Во имя бессмертной любви!

Животному волю даруя,
Подумал охотник Хашим:
«Сегодня стрелять не смогу я»,—
И вниз возвратился пустым.

Детишки встречают на тропке:
«Отец, турье мясо прише?»
Но только мучнистой похлебки
Поесть им в тот вечер пришлось.

О раненом туре хозяйке
Охотник поведал рассказ,
Поведал жене без утайки
О том, что несчастного спас.

«Спасибо за доброе дело,—
Сказала Хашиму жена,—
Я б тоже его пожалела.
Как славию, что жизнь спасена!

А мы кос-как перебежся,
За нас не тревожься, Хашим,
Без мяса теперь обойдемся,
Похлебки своей поедим».

5

Вершины закат окровавил,
Встывает в селенье закат.
К охотнику в саклю отправил
Работника князь Джамбулат.

Свиреного князя работник
И вечер — явились вдвоем:
«Мой князь тебя кличет, охотник,
Давай-ка со мною пойдем!»

Тот голос, угрюмый и резкий,
Страшнее лесных голосов.
Хашим в своей рваной черкеске
Выходит на княжеский зов.

«Мир дому сему и отрада!» —
Воскликнул, ступив на порог,
И понял он с первого взгляда:
Владелец разгневан и строг.

«Ты был на охоте? Что ныне
Принес мне?» — спросил его князь.
О том, что случилось в лощине,
Хашим рассказал, не таясь.

Князь вспыхнул: «Как баба, как дура,
Ты действовал, жалкий глупец!
Мужчина жалеет ли тура?
Растаял, как тает свинец!

Забыл ли ты с этого часа,
Что туры нужны мне рога,
Что турье мне надобно мясо,
Что ты мой покорный слуга?»

«Да, я твой слуга безответный,
Никак не уйду от пужды.
Сам знаешь, что я многодетный,
И дети легли без еды».

«К чему мне, дурак, твои дети?
И знать мы о них не хотим!»
«Иль жить мы не вправе на свете?» —
Чуть слышно промолвил Хашим.

Насильник с душоюкою мелкой,
Князь крикнул: «Молчи, грязный пес!»
И палкой с железной паделкой
Хашиму удар он панес.

Хашим пошатнулся у двери,
Упал и поднялся с трудом.
На князя, как ловчий на зверя,
Он бросился сильным рывком.

Его задушил бы, пылая
Всей кровью, — по множество слуг,
Как волчья жестокая стая,
На ловчего кинулись вдруг.

Бесправного горца избили
И вытолкали за порог.
Так люди бы не поступили
С собакой... Запомним урок!

Да, кренко Хашиму досталось, —
И сердце и тело болит.
Рука от побоев сломалась,
А сердце — от горьких обид.

6

Хашим, словно тур круторогий,
Ты встретился с волком сейчас,
Но ты не увидел подмоги,
Никто горемыку не спас.

Никто не решил, что обязан,
Как ты, честно выполнить долг,
И, пулей ничьей не наказан,
Не пал окровавленный волк.

От князя пришел ты калекой
В свой бедный, безрадостный дом.
Та рана, что ноет от века,
Заныла и в сердце твоём.

Бесправие невыносимо,
Противен мучительный гнет,
И сердце болит у Кязима,
И гнев ему спать не даёт!

Я вижу твой жребий жестокий,
Хашим, твоя рана горит.
Когда я пишу эти строки,
От боли я плачу навзрыд.

С тобой угнетаемый вместе,
С тобою страдаю вдвоём.
Но верю я: грянет возмездье
В селенье моем и твоём!

Как туры, мы ранены оба.
Скажи мне, о бедный мой брат,
Исчезнут ли горе и злоба,
Тяжелые, как снегопад!

Молю я: пусть бог уничтожит
Того, кто ударил тебя,
Пусть бог его беды умножит,
Насилье и гнет истребя.

Пусть бог его казнию накажет,
Как ныне судьбой ты казним,
Проклятье навечное скажет,
Как я, твой земляк, твой Кязим!

Дуреют князья от гордыни
И на небо смотрят, мочась,
И легче живется скотине,
Чем бедному люду сейчас.

Кто нищему горскому краю
Даст волю? Как выход найти?
Я горькие песни слагаю,
Иного не зная пути.

7

Не хлеб ты вкушаешь, а горе,
Мой раценый тур, мой народ,
Но где же средь наших пагорий
Охотник, что жертву спасет?

Ты бедствий изведаль так много,
Как много в ущельях камней.
Скажи мне, чья горше дорога,
Скажи мне, чья доля трудней?

Все сыплются беды... Не так ли,
За веком мучительный век,
По трубам, полночью, в сакли
К нам сыплется с копотью снег?

Пройдя над немой крутизною,
Заходят в аул облака,—
Не так ли холодной весною
Заходит к нам в сакли тоска?

Что делать мне, если попыше
Душа у народа болит?
Хоть в реку бросайся в теснине,
Когда она в ливень бурлит!

Что делать? Как тур, из двустволки
Ты рапен, мой бедный народ,
За рапеным гонятся волки,
Но кто к нам на помощь придет?

Кто в нищих горах уничтожит
Свирепую стаю волков?
Кто нищим аулам поможет,
Кто горцев спасет от оков?

Ты ранен,— но где же лекарство?
Для хищников есть ли свинец?
Кто вырвет язык у коварства,
Кто ложь разгромит наконец?

Кязим, как и ты, окровавлен
Мой раненый горекый народ,
И, горем, как ядом, отравлен,
Он горькие песни поет!

8

О раненом туре пространный
Рассказ я поведал сейчас,
Но ваши кровавые раны
Извечит ли этот рассказ?

Но если, назло лихолетьям,
Из уст перейдет он в уста,
И станет известен он детям,
В чьих саклях живет нищета,—

Быть может, он горцу поможет
Найти в себе силу борца,
И камнем воткнется, быть может,
В пустые и злые сердца.

Насильники тронуть робеют
Поэта, опасного им,
Избить меня палкой не смеют,
Как били тебя, мой Хашим.

Хотелось бы им невозвратно
В темнице топтать меня в прах,
Зарезать меня, как барана,—
Но знают Кязима в горах.

Не то я лишился бы сакли
И гибель обрел бы давно,
И воды б в ущелье иссякли,
Которые пить мне дано.

«Посла не казнят», — есть присловье.
Народ меня сделал послом,
Чтоб пищее наше сословье
Своим защищал я стихом.

Не смеют князя меня трогать:
Из Мекки пришел я с чалмой!
По вражеский чувствую коготь,
Мне смертью грозят и тюрьмой.

Пес лает, а ветер уносит.
Я сросся с вершинами скал.
Народ меня в горе не бросит:
Я болью народною стал.

Насытить бы словом, как хлебом,
Народ моей бедной земли!
О воле молюсь перед небом,
Чтоб жить на земле мы могли!

БУЗЖИГИТ

1

Всю землю озаряя,
Сверкая вновь и вновь,
Подобно птице рая,
Слетает к нам любовь.

Но этой птицы крылья,
Лишившись вышины,
Не раз в огне насилья
Бывали сожжены.

Печалились нередко
Поэты с давних лет:
«Любовь цветет, как ветка,
Но вянет юный цвет».

Меджнун блуждал в пустыне,
Любовью одержим,—
Печаль его поныне
Близка сердцам людским.

Она живет в пароде,
Как вихря буйный взлет,
Как ветер в дымоходе,
И плачет и поет.

Кязим в тиши чагорий
Скорбел в глухой дали,
Когда прочел о горе
Меджнуна и Лейли.

Их жаркое влечение
Прославлено людьми.
В них — Навои свеченье,
В них — пламя Низами.

В них — Физули крылатый,
Что отнял мой покой:
Как над могилой брата,
Я плакал над строкой.

Поэты! Всем влюбленным,
Постигнув боль земли,
Вы словом раскаленным
Отраду принесли.

А на земле поныне
Царят и страх и гнет,
И до сих пор в кручине
Меджнуни в степях бредет.

И гибнет птица рая,
Опалена огнем,
И впадает, умирая,
Любовь в саду земном.

Фархад крушит громаду
Утесов и тесни,
И плакать по Фархаду
Не устает Ширин...

Вовеки не забудем
Вступивших с гнетом в спор:
Они, как звезды, людям
Сияют до сих пор.

Не стало б света в мире
Без их любви живой:
На всей подлунной шири —
Одни лишь волчий вой!

Чтоб исцелить больного,—
А болен весь Восток,—
О Бузжигите слово
Начну я в нужный срок.

Того, кто сломлен гнетом,
Кто умер молодым,
Мы окружим почетом,
Мы повестью почтим.

Для вас душа открыта,
Вы мне родней всего.
Оплачем Бузжигита,
Как брата своего.

2

Жил некий старый Зодчий,
И говорит молва:
Трудилась дни и ночи
Седая голова.

Он жил, свои созданья —
Свои дома — любя,
Как будто эти зданья
Он строил для себя.

Единственного сына
Растил он, знаменит,
Работою старинной
Увлёкся Бузжигит:

Науке зодчих с детства
Отец учил его.
Твердил: «Тебе в наследство
Оставлю мастерство.

Пойми: оно — безмерно,
Мудрей и старше нас.
Без мастерства б, наверно,
Весь род людской угас.

Рать мастеров несметна,
В них — свет и мощь добра.
Да, мастерство бессмертно,
Хоть смертны мастера.

Мы для труда родились,
Мы, люди мастерства,—
Чтоб камни превратились
В поющие слова!

Из камня песнь слагаем,
Из древа создаем.
Построив, умираем,
Но остается дом.

И должен ты усвоить,
Что я любил живых,
Что, кроме блага — строить,
Не знал я благ других,

Что в мире, где так много
Обманов и невзгод,
Была моя дорога
Прямой из года в год,

Что там, где ропот вдовий
И плач сирот слышны,
Ничьей не пролил крови,
Не жаждал я войны.

К моим рукам пристала
Известка, а не кровь,
Я строил,— мне блистала,
Меня вела любовь.

Не притеснял я нищих,
Не обижал детей:
Хотел я, чтоб в жилищах
Дышалось им вольней.

Я слит с землей родною,
Я с каждым камнем слит.
Пусть камень надо мною
Надгробием стоит.

Земля мой прах остудит,
Но средь людей, в тепле,
Мой труд, мой дар пребудет
На милой мне земле.

Я шел дорогой длинной,
Для светлой цели жил,
И с деревом, и с глиной,
И с камнем я дружил.

Спокойно мир покину,
Когда к таким трудам
Единственному сыну
Любовь я передам.

Прославлен тот, кто строит,
Но помни, дорогой,
Что славы блеск не стоит
Одной слезы людской.

Ребенка защищая,
Мы счастье утвердим.
Что слава мировая
Пред этим счастьем? — Дым!

Увы, богатство тленно,
И слава, и почет.
Лишь доброта бесценна,
Лишь правда не умрет.

В жестоком мире этом
Для правды, сын, живи.
Твой труд да станет светом,
Источником любви.

Пройди, с неправдой в споре,
Свой честный, долгий путь,
И в радости и в горе
Ты человеком будь!»

По делу в край далекий
 Поехал Бужжигит.
 На улице пирёкой
 Сын зодчего стоит.

Красавица, сверкая,
 Проходит перед ним,—
 Красавица такая,
 Что свет мы с ней сравним!

Она земли касалась,
 Как нежная весна,
 И юношу, казалось,
 Заметила она.

И девушка и свита
 Вошли в богатый дом,
 Оставив Бужжигита,
 Твой двор, твой сад и стены

Ее глаза блеснули,
 Как две звезды в листве.
 Была в ней стать косули,
 Бегунцей по траве.

Земля пред ней робела,
 Смущалась все сильней,
 И тополя несмело
 Склонились перед ней.

Она вгоняла в краску
 Людей, как жар костра,
 Все превращала в сказку,
 Как юности пора.

Казалось, свет нетленный
 Она дарит земле,
 А без нее вселенной
 Пришлось бы жить во мгле,

На светлые поляны
Сползли бы ледники,
Подули б ураганы,
Засохли б родники,

Не стряпалась бы пища,
Погасли б очаги,
И мирные жилища
Разрушили б враги!

Так думал в то мгновенье,
Пылая, Бузжигит.
Душа его в смятенье
Ликует и дрожит.

На дом глядит в тревоге.
Уйти б, уйти б назад!
Но подчиниться ноги
Безумцу не хотят.

Как встречи с ней добиться?
Кто, кто она? Чья дочь?
Беда — в нее влюбиться,
Но как беде помочь?

Вкруг дома он кружился,
Вздыхая и горя.
Покоя он лишился,
С собою говоря:

«Я обезумел разом.
Как вырвусь из огня?
Любовь, верни мне разум,
Спаси, спаси меня!

Я не увижу неба
Отныне без нее.
Забуду запах хлеба
Отныне без нее.

Что мне трава под зорькой
Отныне без нее?
Вода мне станет горькой
Отныне без нее!»

Так до глубокой ночи
Бродил он взад-вперед.
Поклялся юный зодчий,
Что девушку найдет!

4

Ушел он, смуты полон.
Кругом — ночная мгла.
К старухе в дом вошел он,
Что рядом с ним жила.

Соседке он открылся,
Как матери родной,
Что в девушку влюбился,
Что потерял покой.

Старуха

Я поняла, не глянув:
Дочь хана — страсть твоя.
К ней сватаются ханов,
Султанов сыновья.

Ее назвать мы вправе
Отрадой наших дней.
Нет девушки в державе
Красивей и умней.

Бужигит

То, что она прекрасна,
Я сразу понял сам:
Поверил не напрасно
Я собственным глазам!

Мне на земле веселье
Не будет без нее,
Вся жизнь — как подземелье
Мне будет без нее!

Старуха

И ты, сынок, приходишь,
Чтоб радовать людей,
Жилье, где день проводишь,
Становится светлей.

Она тебе желанна,
Друг другу вы под стать,
Но разве дочке хана
Ты можешь мужем стать?

Бужигит

Мне чайня такие
Открылись в краткий миг,
Что я забыл впервые
Про ханов и владык.

Как будто в мрак темницы
Низринут с давних лет,
Я в первый раз денницы
Увидел добрый свет.

Куда я взор ни кину,—
Я зорче стал теперь.
О мать моя, как сыну
Мне помогай и верь!

Старуха

Но ханы к просьбам глухи,
И знаю наперед,
Что речь простой старухи
До хана не дойдет.

Бужигит

Просить тебя не стану
С ним попусту болтать:
Известно мне, что хану
Сын зодчего — не зять.

Но к дочери владыки,
Прошу тебя, приди,
Поведай про великий
Огонь в моей груди.

Старуха

Пойду! Пусть разразится
Беда у ханских врат,
Пусть мне грозит темница,
И пусть меня казнят,—

Тебе хочу я с честью
Помочь как жепиху.
Пойду — и чудной вестью
Утешу Зулейху.

5

Старуха с тонкой речью
Проникла во дворец,
Устроив тайно встречу
Двух любящих сердец.

Душа душе открыта,
И льются, как стихи,
Признанья Бузжигита
И юной Зулейхи.

Свиданья — всё любовней,
Но ясен ей конец:
Не даст на брак с перовней
Согласья хан-отец.

Они решили оба
Бежать из той страны,
Везде, везде до гроба
Любви своей верны.

Но полон мир коварства.
Донесят хану: прочь
С любовником из царства
Бежать решила дочь.

Хан вызвал дочь и гневно
Грозил ей допоздна,
Но понял, что царевна
Решимости полна.

Да, понял хан жестокий:
Сильнее эта страсть,
Чем ласки, и попреки,
И мстительная власть.

Х а н

Смирись! Конец обидам!
Не мучь обоих нас!
Я за Зейтуна выдам
Тебя в счастливый час.

Блестящие наряды,
Нет счета жемчугам!
Служанки будут рады
Унасть к твоим ногам!

Богата несказанно,
Поймешь, что мир хорош,
С Зейтуном, сыном хана,
Ты счастье обретешь.

И что ни день — все новый
Верблюдов караван
С алмазами, с обновой,
С парчой из дальних стран.

Д о ч ь

Я клятвы не нарушу.
Не мучь меня, отец.
Оставь, оставь мне душу:
Мне дал ее творец!

К чему мне роскошь юга,
Парча и бирюза?
К чему вдали от друга
Мне зрячие глаза?

С алмазами верблюды
Пусть радуют других,—
Пусть их прельщают груды
Товаров дорогих.

Мне Бужигит дороже
Всех царских сыновей,
Чем всей земли вельможи,
Мне взор его милей!

Х а н

Дитя! В державе целой
Ты мне — как солнце дня.
Я очень стар. Не делай
Посмешищем меня!

Д о ч ь

Над сердцем я не властна,
Прости меня, прости!
Любовь моя злосчастлива,
Нельзя меня спасти.

Х а н

Последнее ли слово
Сказала, не шутя?
Что сделал я плохого
Тебе, мое дитя?

Д о ч ь

Ты дал мне жизнь, веселье,
Я без забот росла.
Ни разу мне доселе
Не причинил ты зла.

Прости, даруй мне милость!
Люблю тебя, отец,
Но твердо я решилась
Покинуть твой дворец.

6

Хан понял: страсть такая
Одержит верх в борьбе.
Остался он, вздыхая,
А дочь пошла к себе.

Подумал хан-убийца:
Опасен Бузжигит.
Здесь кровь должна пролиться,—
Да будет он убит.

Содеяли насилье
Подвластные ему:
Строителя схватили
И бросили в тюрьму.

Его во мраке ночи
Убили палачи..
Не ведал старый зодчий,
Что сын убит в ночи,

Что сердце Бузжигита —
Падучая звезда,
И вот в земле сокрыто
То сердце навсегда!

Погибли эти руки,
И мастерство, и дар,
И зрелый свет науки,
И сердца первый жар.

Как проклинали б камни,
Имея голоса,
Как плакали бы камни,
Будь у камней глаза!

Земля, твоих рыданий
Что может быть страшней?
Он столько светлых зданий
Возвел бы из камней!

Когда бы солнце знало,
Насколько гнет жесток,
Надел бы покрывало
Печальное Восток.

Холодным льдом покрыты,
Замолкли б родники,
Известьем злым убиты,
Увяли б цветники,

Узнав об этом горе,
Засохли б дерева
И почернела б вкоре
Зеленая трава.

Увы, закрылись веки,
Померкли звезды глаз,
Для Зулейхи навеки
Их гордый свет погас.

Возлюбленный не дышит,
Она еще жива,
Но больше не услышит
Зовущие слова.

Пусть близко и далече
Восславит мой рассказ
Его дела, и речи,
И звезды чистых глаз.

Балкарский стихотворец,
Кязим стихи творит,—
Да знает каждый горец,
Как умер Бузжигит.

Кто полюбил свободу,
Кто светел был душой,
Тот каждому народу —
Родной, а не чужой!

Стиху всем сердцем верьте:
Людей, чья жизнь прошла,
Стих сохранит от смерти
Заветы и дела.

7

Решив, что, Бузжигита
Убив, он дочку спас,
Что прошлое забыто,—
Хан повелел тотчас:

«Устроить пир должны мы,
В веселье — нет греха!»
...О том, что мертв любимый,
Не знает Зулейха.

На пир она явилась,
Печальна и смутна.
Что солнце дня затмилось,
Не ведаст она.

Спросила дочка хана:
«К добру иль не к добру
Вы собрались неожиданно
Сегодня на пиру?»

З у л е й х а

Что, если устремится
На ваше торжество
И звать начнет орлица
Орленка своего,—

Скажите: к ней, несчастной,
Орленок прилетит?
Он с вами ли,— прекрасный
Орленок Бузжигит?

О д и и з т о л н ы

Несчастливая орлица,
Рыдай, рыдай навзрыд:
Средь нас не веселится
Орленок Бузжигит!

З у л е й х а

Овце пужна защита:
Придет к вам поутру,—
Ягненка Бузжигита
Найдет ли на пиру?

О д и и з т о л н ы

О, не зови, родная!
К тебе не прибежит,
Овечка дорогая,
Ягненок Бузжигит!

З у л е й х а

Ответьте, мусульмане:
Но где же верный друг?
Глаза мои в тумане,
Смертелен мой педуг!

О д и н и з т о л п ы

Был схвачен твой любимый
И умерщвлен в тюрьме.
Иогас, неукротимый,
Как молния во тьме.

...Не пряча в сердце рану,—
Стал черен день, как ночь,—
К отцу, к убийце-хану,
В слезах явилась дочь.

Х а н

Все на шире расселись,
А ты? Ты слезы льешь!
Свою девичью прелесть
Слезами ты убьешь!

Д о ч ь

Тебе не дочь отныне,
Я от тебя уйду.
Смотри, земля в унынье,
Весь мир познал беду!

Палач, убийца злобный,
Ты враг мне с этих пор.
Отец, тебе подобный,
Для девушки — позор.

Х а н

Дитя, не плачь от боли!
Кто смерти избежит?
Ведь сам, по божьей воле,
Скончался Бузжигит.

Д о ч ь

Нет, дочьрюю, презренный,
+ Меня ты не зови!
Твой двор, твой сад и стены —
В крови, в крови, в крови!

Твой дом — приют могильный,
Где мертвые сердца.

+ Нет у меня, бессильной,
Ни дома, ни отца!

Х а н

Две тысячи отменших
Я дам тебе коней,
Сто тысяч драгоценных
Пришлю тебе камней.

Я с золотом верблюдов
Сгоню к тебе во двор,
И блеском изумрудов
Ты свой утетишь взор!

Д о ч ь

К чему, к чему мне камни
И золото казны?
Одежда не нужна мне
И кони не нужны!

Мой светлый мир убили,
Убили солнце дня:
Оно лежит в могиле,
К себе зовет меня!

Х а н

Даруй мне, дочь, прощенье!
Скончался Бужжигит,
А мертвых возвращенье
Живой не сотворит.

Живой скорбит о многом,
А мертвый — мертв навек.
Могу ли спорить с богом
Я, слабый человек?

Гробницу я построю
И Бузжигита прах
В гробнице успокою
У времени в руках.

8

И вот, как знатный воин,
Сын зодчего лежит.
Навеки успокоен
В гробнице Бузжигит.

Но с Бузжигитом рядом
Отцом погребена
И дочери отрада,
Надежда и весна.

Не слышали в столице,
Что плачет Зулейха,
Что заперлась в гробнице
У гроба жениха.

Здесь, здесь — любимой место:
Любовь зовет сюда!
С возлюбленным невеста
Осталась навсегда.

Жестокость разлучила
Влюбленность молодых,
Но спрятала могила
Их, мертвых, от живых.

Никто с тех пор поныне
Не смог открыть врата,—
Прочней, чем все твердьни,
Гробница заперта...

Познав судьбы суровость,
Но движимы добром,
Мы тоже нашу повесть
На все замки запрем.

Влюбленные! Рыдая,
Склоняется рассказ:
Поэзия седая
Оплакивает вас.

Пусть узнают горцы,
Как дни связав свои,
Погибли ратоборцы
Раздавленной любви.

Но, чтобы в человеке
Свет мысли не погас,
Огонь любви навеки
Горит для нас — и в нас.

О нем, живом, победном,
В любой своей строке
Кязим поет на бедном
Балкарском языке.

1910—1917

СОДЕРЖАНИЕ

Кайсын Кулиев. О Кязиме Мечнев 3

Стихотворения

«К тебе я хотел перебраться в челне...»	17
«Холмик мы не приравняем к скалам...»	18
«Чую твоего жилья тепло...»	19
Жалоба	20
Сетования девушки	22
«Храбрость острее любого кинжала...»	23
Откровенное слово	24
«Только вышел я из сакли на заре...»	25
«Я слагаю стихи и железо кую...»	26
Хорошее слово	27
Моему нею	29
Завещание сыну	31
Воробей, который зимою сел на нашем дворе	32
Хвастливому княжичу	34
«Входит в наши аулы туман из ущелий...»	35
«Я сравню тебя с моей стрелою...»	36
«Норою на вершине снег блистает...»	37
«Если дождь прошел и даль светла...»	38
«Серый камень сорвался с утеса...»	39
«Избороздил я много бурных вод...»	40
«Горя много, счастья мало, путь тяжел...»	41
«Если б знал, где для родины счастье найти...»	42
«Багдад посетил я, увидел Стамбул...»	43
«Мир — тяжкая трона, где скорбь и горе...»	44
«У турков, арабов проделав скитаний круги...»	45
Строки письма, посланного домой из Аравии	46
«Свое метнул я слово, как стрелу...»	47
«Мы овцы...»	48
«Чтоб родину избавить от невзгод...»	49
«Скорбят земля родная, плачут реки...»	50
Мать охотника	51
Колыбельная песня	52
Труженику	54
«Несчастный мой народ, я твой удел постиг...»	55

«Шумя, с отвесных гор сбегают вниз потоки...»	56
«Сегодня князь Сююнч Ахмата-бедняка...»	57
«Кто бы нам чувяки спил без платы...» . . .	58
Правда	59
Ослику с израценой спиной	60
Стихи, сказанные одинокой иве у горной реки	62
«В аулы к нам беда легко находит путь...» . .	64
Что мне делать?	65
«Стал мрачен свод небес, над скалями навешный...»	66
«Кязим, к чему твой стон и вздох глубокий?..»	67
«Пемало горьких слов ты людям даровал...»	68
1914 год	69
«Да будет прокляты насильники стократ!..»	70
«Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад...»	71
«Идет в ауле дождь, блестя, шумя, струясь...»	72
«В трубу моей сакли падает черный снег...»	73
«Книжальных ран и пулевых не счесть на нашем теле...»	74
Моя старая сакля	75
«Толкуют о царе, о войске говорят...» . . .	77
✓ Песня о Солтан-Хамиде	78
Берите оружие!	80
«Я понял: честен путь большевиков...» . . .	81
Сыну Мухаммаду	82
«Советская власть — это ствол золотой...» . .	84
✓ Ленин	85
Будем учиться!	87
Разговор со старостью	88
Много видел Кязим	90
Пиоперам	91
Мой старый кувшин	92
Братство	94
Мы	95
Пляшущим девушкам и юношам	96
«Послушайте, люди, что скажет Кязим...» . .	97
«Нагрянет смерть,— мой пее мне лаем пее поможет...»	98
Моя корова	99
Мы победим!	100

П о э м ы

Раненый тур	103
Бузжигит	114